

Денежное обращение в СССР на рубеже 1980—1990-х гг.: в поисках выхода из кризиса

Роман Кирсанов

Monetary circulation in the USSR during late 1980s — early 1990s:
in search of a way out of the crisis

Roman Kirsanov

(*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow*)

DOI: 10.31857/S086956870017308-9

Деньги представляют собой не только сложную экономическую, но и историческую категорию. Они претерпели длительную эволюцию, в ходе которой изменялись их виды и функции, и постепенно играли всё большую роль в развитии экономических отношений. Общеизвестно, что успех экономических преобразований во многом зависит от состояния денежно-кредитной системы. Не случайно, согласно расхожему в экономической среде мнению, экономика государства не может быть лучше, чем его национальная валюта.

В целях упорядочения и укрепления денежного обращения, частичного или полного преобразования денежной системы правительства иногда проводят реформы, как правило, сопровождаемые уменьшением общего количества денег, обслуживающих платёжный оборот. Содержание и исторический опыт проведения таких реформ (в том числе в России) показывают, что для успеха необходимы три фактора: рост производства, сбалансированный бюджет и наличие золотовалютных резервов. Но, безусловно, каждая из денежных реформ имеет свои особенности.

Предметом статьи является денежная реформа 1991 г., инициированная и осуществлённая под руководством премьер-министра СССР В.С. Павлова. В научной литературе она преимущественно оценивается как неудачное мероприятие, которое не позволило решить задекларированные задачи. Так, по мнению председателя Госбанка (Центрального банка) В.В. Геращенко, а также экономистов А.Н. Илларионова и Л.М. Григорьева, объём изъятых из обращения денег не только не принёс результатов в борьбе с «теневым» капиталом, но даже практически не изменил ситуацию с избыточной денежной массой¹. Этому мнению придерживается и В.М. Кудров, отмечая, что реформа «вызвала панику среди населения и даже его озлобление»². Как указывает Н.С. Симонов, главное её последствие — не изъятие нетрудовых доходов спекулянтов и коррупционеров, а «утрата доверия населения к союзному правительству»³. М. Алексеев и А. Пачкалов призывают не считать реформу «полностью провальным мероприятием, как бы кому не хотелось это представить», однако

© 2021 г. Р.Г. Кирсанов

¹ Кротов Н.И. Жизнь и удивительные приключения банкира Виктора Геращенко, сына банкира Владимира Геращенко, рассказанные им самим, его друзьями и коллегами, внимательно выслушанные и записанные летописцем Николаем Кротовым. М., 2010. С. 338; Илларионов А. Попытки проведения политики финансовой стабилизации в СССР и в России // Вопросы экономики. 1995. № 7. С. 4—37; Григорьев Л.М. Экономика переходных процессов. Т. 1. М., 2010. С. 58.

² Кудров В.М. Экономика России в мировом контексте. СПб.; М., 2007. С. 457.

³ Симонов Н.С. Очерки истории банковской системы России. 1988—2013 гг. М., 2016. С. 88.

основывают свою позицию лишь на мнении самого Павлова, полагавшего, что «денежная реформа удалась, а последующие проблемы, связанные с ней, были вызваны сепаратизмом российского правительства»⁴.

Вместе с тем в работах, посвящённых экономическому развитию СССР в позднестроительный период, как правило, отсутствует обстоятельный анализ реформы. В частности, не изучается её взаимосвязь с динамикой денежного обращения, состоянием потребительского сектора экономики. Этот пробел и призвана восполнить данная работа.

Исторически денежные реформы воспринимаются в общественном сознании утилитарно — как мероприятия, затрагивающие только накопления населения. В действительности же это комплексные преобразования, которые касаются наличного и безналичного оборотов, в ходе обмена денег происходит переоценка стоимости основных и оборотных средств, выстраиваются новые пропорции, призванные сбалансировать доходы и расходы населения и хозяйствующих субъектов.

В течение 1988 г. денежные доходы населения увеличились на 41,4 млрд руб., за 1989 г. — на 63,8 млрд, за 1990 г. — на 83 млрд, в то время как за все годы 11-й пятилетки (1981—1985) они выросли всего на 78 млрд. При этом прирост доходов граждан «обгонял» прирост всех основных показателей, характеризующих развитие экономики (и, в частности, потребительских расходов населения) в 1,4 раза⁵. К концу 1988 г. объём накоплений населения превысил запасы материальных ценностей и товарных ресурсов в 5 раз⁶.

Остаток вкладов населения (включая сертификаты) на 1 января 1989 г. равнялся 296,7 млрд руб. За этот год вклады и другие сбережения выросли на 44,9 млрд, достигнув к 1 января 1990 г. 341,6 млрд руб.⁷ Значительную часть этих средств можно рассматривать как отложенный спрос. Однако к нему следует добавить и часть наличной денежной массы, поскольку определённая доля населения (особенно в Средней Азии и Закавказье) не пользовалась банковскими вкладами. Такие сбережения на начало 1990 г. составляли около 37 млрд руб.⁸

Основной прирост доходов населения (75%) вызывался повышением заработной платы из-за широкого развития новых форм хозяйственной деятельности (хозрасчёт с распределением дохода, кооперативы, арендный подряд и т.д.) и расширения различного рода стимулов и льгот для работников государственных предприятий и организаций. Свою роль сыграли и советы трудовых коллективов, которые давили на администрации предприятий и устраивали забастовки, требуя повышения окладов. В 1990 г. произошло также существенное увеличение пенсий и пособий (на 12,7% по сравнению с 1989 г.). На доходы сельских жителей повлияло расширение использования договорных цен на некоторые виды аграрной продукции, сдававшейся государству и кооперации.

Характерно, что рост оплаты труда, как правило, не увязывался с фактическими итогами хозяйственной деятельности. Крупные капитальные вложения

⁴ Алексеев М., Пачкалов А. Министры финансов: от Российской империи до наших дней. М., 2019. С. 362.

⁵ По сравнению с 1987 г. расходы на покупку товаров и оплату услуг в 1988 г. увеличились на 7,2%, в 1989 г. — на 9,2% (РГАЭ, ф. 2324, оп. 33, д. 741, л. 56).

⁶ РГАЭ, ф. 897, оп. 2, д. 40, л. 32.

⁷ См.: СССР в цифрах в 1989 году. М., 1990. С. 77.

⁸ РГАЭ, ф. 2324, оп. 33, д. 741, л. 13.

в производственный сектор не приносили должной отдачи из-за длительных сроков строительства, увеличения объёмов «незавершёнки» и снижения дисциплины. На фоне падения экономических показателей, в том числе уменьшения объёма нормативной чистой продукции, сокращения платежей в бюджет и отчислений в фонды экономического стимулирования, предприятия почти повсеместно увеличивали выплаты из фондов материального поощрения. При этом к 1988 г. контроль за ростом доходов был утрачен вследствие отказа от административных методов планирования расходов на оплату труда.

В соответствии с действовавшим в тот период законодательством, фонд оплаты труда состоял из фонда заработной платы и фонда материального поощрения. В то время как первый зависел от объёмов производства и регламентировался различными нормативами, второй образовывался исключительно за счёт прибыли, на величину которой значительное влияние оказывало применение договорных цен и надбавок. В течение 1988—1990 гг. Госбанк неоднократно вносил в Совет министров и Госплан СССР предложения об изменении порядка формирования фондов оплаты труда, но они не нашли поддержки⁹. Более того, в 1989 г. было законодательно отменено нормативное соотношение между приростом средней заработной платы и производительности труда. Введённый же налог на прирост фонда оплаты труда не принёс ожидаемых результатов, составив не более 10% от фондов материального поощрения.

В начале 1990 г. специальная межведомственная комиссия под руководством первого заместителя председателя Совета министров СССР Л.А. Воронина организовала проверку более 200 предприятий и организаций восьми народнохозяйственных комплексов на предмет соблюдения нормативов формирования и расходования средств на оплату труда¹⁰. В результате выявили, что в ряде случаев увеличение фонда оплаты труда обуславливалось выпуском более рентабельной продукции. Однако по большей части увеличение зарплаты вызывалось необоснованным завышением цен на выпускавшуюся продукцию. Имели место и случаи нарушения порядка начисления фонда оплаты труда. Так, к примеру, Одесский завод тяжёлого краностроения им. Январского восстания Министерства тяжёлого машиностроения СССР в 1989 г. завысил базовый фонд заработной платы на 1 млн руб. (8%) за счёт включения в него средств из фонда материального поощрения, а также использования дополнительных ассигнований от министерства. Несмотря на рост зарплаты, предприятие допустило сокращение объёма произведённой продукции на 5,1%. Ярославское производственное объединение «Лакокраска» за 1989 г. сократило объём производства более чем на 5%, при этом выплаты из фонда материального поощрения выросли почти на 9%¹¹.

Особого внимания заслуживают выявленные случаи нарушения требований постановления Совмина № 372 от 4 мая 1989 г., в соответствии с которым фонд оплаты труда государственного предприятия подлежал уменьшению в случае заключения с кооперативами договоров на выполнение части производственных работ. К примеру, на базе цехов Мариупольского металлургического и Оскольского электрометаллургического комбинатов организовали производственные кооперативы. В связи с этим фонды зарплаты на этих предприятиях

⁹ Там же, д. 726, л. 2.

¹⁰ Там же, л. 44.

¹¹ Там же, л. 48.

подлежали сокращению на 1,4—1,5 млн руб.¹², чего сделано не было. Ижевский редукторный завод им. Ленина заключил договоры с пятью кооперативами и передал им часть работ по изготовлению комплектующих изделий. Несмотря на уменьшение объёма производственных работ, завод увеличил фонд заработной платы на 400 тыс. руб.¹³

В 1990 г. потребительские расходы населения выросли по сравнению с 1989 г. почти на 15%, превысив даже плановые расчёты¹⁴. Это объяснялось как некоторым расширением производства товаров массового спроса¹⁵ и увеличением импорта, так и повышением средних розничных цен (25% от прироста товарооборота) и ростом объёмов реализации алкогольной продукции (10%)¹⁶. В целом же положение на потребительском рынке характеризовалось высокой дефицитностью по большинству товарных позиций. В продаже недоставало многих продуктов питания (в первую очередь продуктов животноводства, рыбы, кондитерских изделий, картофеля, овощей, фруктов). Не удовлетворялся спрос и на многие изделия лёгкой промышленности, товары хозяйственного обихода, стройматериалы. Это объяснялось не только высокими темпами роста денежных накоплений, но и усиливавшимся ажиотажным спросом практически на все виды товаров, вызванным инфляционным ожиданием и слухами о возможной денежной реформе и «замораживании» вкладов в Сберегательном банке. С прилавков «сметались» даже товары длительного спроса: электрочайники, утюги, магнитофоны, радиоприёмники.

По различным оценкам, на начало 1990 г. неудовлетворённый спрос из-за недостатка товаров и услуг составлял 105—110 млрд руб. против 60 млрд на начало 1986 г.¹⁷ Это свидетельствовало о серьёзной дезорганизации потребительского рынка. Из 989 видов товаров народного хозяйственного потребления, по которым проводились наблюдения, без существенных перебоев в свободной продаже находилось только 106 наименований (11%)¹⁸. Увеличилась продажа соли, спичек, хозяйственного мыла, крупы, муки. Люди всерьёз опасались за завтрашний день и пытались любыми средствами израсходовать имевшиеся деньги. Большие трудности возникли с обеспечением мясопродуктами населения Москвы, Ленинграда и других крупных городов. Сократилось производство плодоовощных консервов, безалкогольных напитков, табачных изделий. Срывались планы по производству товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения¹⁹.

О неустойчивости положения свидетельствовала и интенсивная покупка неходовых и залежалых товаров, запасы которых, мало изменявшиеся в прошлом, начали резко сокращаться. За 1988—1989 гг. они снизились более чем в два раза²⁰. Фиксировалась усиленная скупка дорогостоящих товаров. Так, продажа ювелирных изделий в 1989 г. увеличилась по сравнению с предыдущим

¹² Там же, л. 46.

¹³ Там же, л. 28.

¹⁴ Там же, л. 3.

¹⁵ Некоторую положительную роль сыграла отмена налогообложения прироста средств на оплату труда, вызванного увеличением производства и реализации товаров народного потребления.

¹⁶ РГАЭ, ф. 2324, оп. 33, д. 726, л. 4.

¹⁷ Там же, д. 741, л. 55.

¹⁸ Воронов А. О проблемах преодоления дефицита и методах регулирования потребительского рынка // Вопросы экономики. 1990. № 1. С. 26.

¹⁹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 150, д. 288, л. 47, 48.

²⁰ РГАЭ, ф. 2324, оп. 32, д. 3888, л. 134.

годом на 2 млрд руб., т.е. почти в 1,5 раза. Особую остроту приобрели сложности, связанные с покупкой телевизоров, холодильников, мебели, объёмы производства которых ещё в 1986 г. обеспечивали бесперебойный сбыт. Часто люди покупали ненужные им вещи, а затем начинались обмен и перепродажа.

В сентябре 1989 г. ВЦИОМ провёл исследование с целью выявить уровень удовлетворённости населения качеством и доступностью предметов питания. Общая оценка оказалась негативной. 86% респондентов отметили, что за прошедшие несколько лет положение ухудшилось, 56% указали на значительный рост цен, 41% в числе наиболее острых проблем назвали отсутствие в продаже дешёвых товаров. Что касается проблемы дефицита, то 72% участников опроса пожаловались на то, что часто или постоянно не могут приобрести необходимых продуктов; 60% много времени тратили на их поиски и простаивание в очередях; 16% приходилось регулярно ездить за продуктами в другой город или район. Лишь 5% опрошенных не испытывали проблем с обеспечением своих семей. Многих раздражали обчёты, обвесы и торговля с «чёрного хода».

Потребительское настроение населения в начале 1990 г. красноречиво прокомментировал народный депутат СССР Н.И. Травкин: «Мне вспоминается одна передача московского телевидения. Репортёр берёт интервью у женщины в очереди: “Что бы вы желали купить?”. Она: “Надо бы носки шерстяные детям”. Спрашивает репортёр у мужчины, тот говорит: “Бритву”. Репортёр обращается к очереди: “Товарищи! Я не про конкретный прилавок, а вообще — что мечтаете купить?”. Одна женщина напрягалась, напрягалась: “Пальто!”. Планка потребностей — ниже некуда. То, что сегодня необходимо для жизни, — вот верх моей мечты. Может, у кого-то и было на языке: “Я хочу купить машину”, — но он побоялся. Кругом очередь обозлённых людей, на него посмотрят, как на чужого. Не наш человек. Убили и желание потреблять, и говорить об этом»²¹.

Отдельно следует сказать о деятельности кооперативного сектора, на который в начале перестройки возлагались большие надежды. За прошедшие 3—4 года с момента принятия закона о кооперации объём работ и услуг в этой сфере действительно вырос. Но кооперативы, созданные главным образом для улучшения обслуживания населения и насыщения рынка потребительскими товарами, значительную долю работ выполняли для государственных предприятий, от которых, к примеру, за первое полугодие 1990 г. получили почти 90% своей выручки. Таким образом, фонд оплаты труда в них формировался не за счёт потребительских расходов населения, а из госсектора. Учитывая неконтролируемый рост зарплаты в кооперативах и нацеленность многих из них на обналичивание крупных денежных средств, развитие данного сектора сформировало по сути новую сферу налично-денежного оборота, практически не увязанного с товарооборотом.

В целом по итогам 1990 г. увеличение производства товаров народного потребления составило лишь треть от планового прироста. К осени объёмы запасов таковых в розничной сети были на 27% ниже установленного норматива. В ряде регионов пришлось ввести талоны на приобретение отдельных продуктов питания (сахар, мясо, растительное и сливочное масло, макаронные изделия, конфеты). В некоторых областях к этому перечню добавилась и алкогольная продукция. При этом деньги «притягивались» в крупные города (в первую очередь республиканские столицы), что свидетельствовало о том,

²¹ Травкин Н.И. Тяжело брать Родину в аренду // Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 3. С. 37.

что на остальной территории страны, особенно в сельской местности и малых населённых пунктах, сдвигов в удовлетворении потребительского спроса не происходило²². В результате, по данным московского ГУМа, 60% покупок приходилось на приезжих покупателей. В других столичных универмагах («Прага», «Лейпциг», «Белград») удельный вес приезжих оказался ещё выше (70—74%, а по швейным и трикотажным изделиям — до 83%)²³. По сравнению с 1965 г. к концу 1980-х гг. расходы населения на покупку товаров и оплату услуг выросли в 3,5 раза, а количество денег в обращении — более чем в 7 раз²⁴.

В обозначенный период начался отток денежных средств со вкладов в Сбербанке. Попытки связать высвободившиеся, «лишние» деньги населения за счёт выпуска государственных целевых беспроцентных займов не принесли ощутимых результатов. Реализация населению облигаций займа и казначейских обязательств проходила очень медленно, государственные ценные бумаги не пользовались доверием граждан. На этом фоне едва ли дальновидным выглядело принятое правительством решение о выкупе с 1 августа 1990 г. облигаций массовых займов 1955—1956 гг. Учитывая, что к оплате обычно предъявлялось в среднем 85% от суммы размещённых облигаций, к концу 1990 г. на руках у населения осело около 6 млрд руб. Отрицательно сказались на денежном обращении и явно популистские решения Верховного совета СССР, предусматривавшие увеличение во второй половине 1990 г. стипендий, пенсий, пособий на детей и стимулирование государственных закупок зерна. За счёт этих мер денежные доходы населения увеличились ещё на 9 млрд руб.

Следует отметить, что примерно 60% прироста денег в обращении пришлось на расширение ёмкости денежного оборота и, таким образом, носили закономерный характер. Остальные же 40% представляли собой необеспеченную товарным покрытием денежную массу.

На фоне стремительной дезорганизации денежного обращения и растущего денежного «навеса» на сессиях Верховного совета и в средствах массовой информации всё чаще стали высказываться предложения о проведении в стране реформы, которая позволила бы стабилизировать положение и создать основу для перехода к рыночным отношениям. В этой связи интересно, что в 1965—1969 гг., при проведении «косыгинской» реформы, также имело место резкое возрастание доходов граждан. Денежная масса в обращении выросла на 88%, в то время как потребительские расходы — только на 38%. Однако аналогичных предложений не возникало. Правда, это говорило не столько об успехах мероприятий правительства, сколько о возможности принимать быстрые и действенные меры по балансированию доходов и расходов населения. В случае угрозы дестабилизации денежного обращения на внешнем рынке продавались некоторое количество золота и иные ценности, а на вырученные средства за границей закупались потребительские товары и продовольствие²⁵.

В конце перестройки некоторые экономисты вносили предложения о введении в стране параллельной валюты («новых» рублей, сертификатов и т.п.) и продаже за них дефицитных товаров. Тем самым проведение реформы представляло бы собой растянутый во времени процесс, в ходе которого «новые», «привилегированные» деньги постепенно вытесняли старые. Широкое освеще-

²² РГАЭ, ф. 2324, оп. 33, д. 741, л. 135.

²³ Там же, л. 137.

²⁴ Подсчитано по: Там же, л. 140.

²⁵ Павлов В.С. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М., 1995. С. 241.

ние в прессе получила концепция «обратимых денег», предложенная известными экономистами В.Д. Белкиным и И.В. Нитом. Позднее эту концепцию «взяли на вооружение» в политической борьбе и некоторые депутаты Верховных советов СССР и РСФСР.

Как полагали авторы проекта, перестройка экономики в направлении подчинения производства интересам потребителя и переход от материально-технического снабжения к оптовой торговле в условиях существующей денежной системы были невозможны. Для налаживания оптовой торговли требовались деньги, обеспеченные материальным покрытием и конвертируемые хотя бы во внутреннем обороте. Такие деньги («обратимые», или «деньги реформы», как называли их авторы) могли быть созданы в процессе реализации товаров и услуг населению. Соответственно, первыми на обслуживание «обратимыми деньгами» предлагалось перевести предприятия розничной торговли и сферы услуг. Вырученные деньги зачислялись бы предприятиям-поставщикам на специальные банковские счета (чтобы не смешиваться со «старыми» платёжными средствами). После обязательных платежей предприятия могли свободно распоряжаться этими средствами — направлять на выплату зарплаты, производить закупки у смежников, инвестировать в модернизацию и расширение производства. На следующем этапе предприятия-смежники расплачивались бы «новыми» деньгами с поставщиками и т.д. В итоге «обратимые деньги» по цепочке технологических связей проникли бы во всё народное хозяйство, включая систему кредитно-расчётного обслуживания. При этом, как полагали авторы, даже если предприятия потратят все «новые» деньги на зарплату работникам, всплеска инфляции не произойдёт, поскольку за этими деньгами стоит уже проданный товар.

Проект Белкина и Нита обстоятельно рассматривался в Госбанке, а также рядом иностранных экспертов в области денежного обращения. Как докладывал в союзное правительство председатель банка Герашенко, концепция основывалась «на неверных теоретических посылах и поэтому оказывалась невыполнимой с точки зрения кредитного дела, операционной банковской техники и бухгалтерского учёта»²⁶. Это определило судьбу концепции «обратимых денег».

Рассмотрю подробнее возражения Госбанка. По мнению его сотрудников, Белкин и Нит игнорировали факт кредитного происхождения денег. Последнее (включая безналичные платёжные средства) поступали в оборот при выдаче банками кредитов и уходили из обращения при погашении задолженности. Иначе говоря, в ходе процесса экономического воспроизводства деньги постоянно авансировались банками в счёт кредита, конечная же реализация создаваемого продукта приводила к сокращению в обращении денежной массы. Логика же «обратимых денег» была прямо противоположной: они создавались в процессе реализации товаров и услуг населению.

Кроме того, авторы не учитывали сезонные и случайные статистические колебания в реализации потребительских товаров, т.е. несовпадение во времени между производством и реализацией продукции. Именно благодаря этим сезонным разрывам в обращении товаров и существуют кредитные деньги. Совпадение этих процессов во времени привело бы к возникновению натурального обмена, поскольку отпадала необходимость в дополнительном инструменте, выполняющем денежные функции. Однако Белкин и Нит, отбрасы-

²⁶ РГАЭ, ф. 2324, оп. 32, д. 3821, л. 155.

вая фактор сезонности, настаивали на том, что новые деньги должны поступать в оборот строго дозированно, только после продажи товаров населению. В действительности, как свидетельствует мировая практика, это невозможно, так как не дозирована сама экономическая жизнь.

«Обратимые деньги» не обладали и антиинфляционным эффектом, поскольку замена старых денег на новые в соотношении 1:1 никак не влияла на изменение спроса и предложения на оптовом рынке.

Что касается поступления в оборот новых денег посредством обмена на иностранную валюту «экспортного происхождения», то, как отмечал Госбанк, этот механизм также не оказал бы существенного влияния на материально-финансовую сбалансированность: «В случае эмиссии денег под полученные от экспорта валютные активы происходит увеличение денежной массы при одновременном сокращении её товарного наполнения (ведь товары ушли с внутреннего рынка за рубеж) — инфляционный эффект “валютной” эмиссии хорошо известен в мировой практике»²⁷.

К слову, сам Госбанк, выступавший против денежной реформы как таковой, предлагал свои «рецепты» восстановления финансово-материальной сбалансированности. Ставка делалась на развитие различных форм вложения средств населения: приобретение акций предприятий, арендный подряд, свободную покупку квартир и земельных участков, организацию мелких частных производств, выкуп у государства небольших предприятий и т.д.²⁸

Несмотря на значительное число обсуждавшихся предложений, проведение обмена денег связано прежде всего с именем В.С. Павлова, возглавившего в январе 1991 г. Кабинет министров СССР. Как писал сам Павлов, подготовкой реформы он занялся ещё в начале перестройки, вскоре после вступления в должность первого заместителя министра финансов СССР. Она, по его замыслу, становилась частью рыночных преобразований и предшествовала структурной перестройке экономики и реформе ценообразования. Конечная цель всех денежно-ценовых преобразований — снятие избыточного инфляционного давления, всё больше угрожавшего экономике, повышение покупательной способности рубля и приведение новой структуры производства в соответствие с новой структурой цен. Только в таких условиях, полагал Павлов, включатся в действие законы конкуренции и заработает рынок²⁹. Побочной целью было частичное изъятие нелегальных доходов «теневиков» — по примеру введения в 1922 г. золотого червонца, которое обесценило капиталы «чёрного рынка».

Уже в 1989 г. Павлов показывал Горбачёву эскизы новых денег, но окончательного решения генеральный секретарь тогда не принял, поскольку «вопрос о денежной реформе в тот момент представлялся ему бесконечно далёким», и он не хотел по-настоящему в него вдумываться³⁰.

Тем не менее в 1990 г. изготовление новых денег шло полным ходом. Для этого расширили производственные мощности Гознака и закупили за рубежом необходимое оборудование. Конкретные сроки проведения обмена не ставились, но техническую подготовку намечалось завершить к лету 1991 г.³¹ Однако в конце года подготовку реформы пришлось ускорить. Как объяснял Павлов,

²⁷ Там же, л. 171.

²⁸ Там же, оп. 33, д. 741, л. 15.

²⁹ Павлов В.С. Указ. соч. С. 206—207.

³⁰ Там же. С. 224.

³¹ Там же. С. 229.

за рубежом сконцентрировались огромные суммы рублёвой наличности, которые могли быть использованы для организации финансовой диверсии против СССР: «По многим каналам и от многих источников к нам начали поступать сведения о том, что зарубежные финансово-промышленные круги всерьёз готовятся к предстоящей в СССР приватизации. Очень крупные суммы скапливались у подставных лиц, вывозились и на Запад. Причём не только через “челноков”. В этот процесс включились и некоторые коммерческие банки. Они действовали по тому же принципу: вбрасывали в СССР солидные суммы долларов и обменивали их по чёрному курсу»³². Получалось, что основная угроза для стабильности советской валюты — не затратный характер экономики и активный переток капиталов в «теневой» сектор, а нечто извне. При этом, по данным Госбанка, за рубежом находились отнюдь не десятки миллиардов рублей, а лишь около 3—4 млрд.

Примечательно, что ещё в конце ноября 1990 г. Павлов докладывал в Совмин о нецелесообразности проведения денежной реформы, учитывая «социально-политическую обстановку в обществе, крайне напряжённое положение на потребительском рынке, отсутствие товарных и валютных резервов для поддержания покупательной силы рубля после реформы в случае её проведения»³³. 10 января 1991 г. на заседании Верховного совета СССР Павлов уверял депутатов, что никакой подготовки к реформе не ведётся. Однако, несмотря на все заверения, 22 января Президент СССР подписал указ № УП—1329, в соответствии с которым с 0 часов 23 января прекращался приём во все виды платежей денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 руб. образца 1961 г. и производился их обмен на дензнаки нового образца. Павлов дал такое объяснение «эффекту неожиданности» при принятии важнейшего государственного решения: «Утечка важнейшей, стратегической информации о планах проведения денежной реформы могла принести огромный ущерб стране... Денежная реформа слишком серьёзное, крупное дело, она готовится в глубочайшей тайне»³⁴.

На обмен гражданам отводился трёхдневный срок — с 23 по 25 января (со среды по пятницу). Эти дни оказались очень волнительными для граждан (особенно пенсионного возраста), которые практически штурмом брали сберкассы, боясь не успеть обменять заработанные честным трудом деньги. Но больше всего неудобств реформа доставила тем людям, которые находились в отъезде. Сразу же в союзные органы власти и Госбанк стали поступать многочисленные жалобы и просьбы о продлении срока обмена старых банкнот для пребывавших в длительных рейсах и командировках, в частности моряков, рыбаков, железнодорожников, нефтяников, военнослужащих, лиц, находившихся за границей, и т.д.³⁵ Не учли и специфику северных и прочих отдалённых регионов, в которых разбросанность населённых пунктов, неразвитость транспортной системы, задержки с доставкой газет не позволяли произвести обменные операции в столь короткий срок. В итоге для некоторых групп населения этот срок немного продлили.

Свободный обмен денег производился только в пределах 1 тыс. руб. При обмене свыше этой суммы решение принимали специально созданные

³² Там же. С. 232.

³³ РГАЭ, ф. 2324, оп. 33, д. 741, л. 157.

³⁴ Павлов В.С. Указ. соч. С. 226.

³⁵ РГАЭ, ф. 2324, оп. 32, д. 4005, л. 7.

комиссии при местных органах власти, которые работали до конца марта. К слову, «советские миллионеры», которых эта реформа должна была «накачать», благополучно преодолели незначительные препятствия в виде этих комиссий и обменяли свои накопления по неофициальным каналам.

По разным оценкам, денежная реформа позволила изъять из оборота от 6 до 12 млрд руб. — существенно меньше тех 30 млрд, на которые рассчитывали её инициаторы³⁶. Такие весьма скромные результаты едва ли могли решить проблему избыточной денежной массы, тем более что эмиссия намного превышала объём изъятых денег. При этом половина эмитированной массы направлялась на покрытие внутреннего госдолга и расходов бюджетного характера и только около 30% этой суммы использовалось на предоставление кредитов предприятиям.

Что касается доходов граждан, то за 1991 г. они выросли на 90%. Количество наличных денег в обращении достигло 270 млрд³⁷. Неудивительно, что положение на потребительском рынке ещё более обострилось, а дефицит приобрёл угрожающие масштабы. Магазиновые и рыночные прилавки опустошались с невероятной скоростью. Люди разумно полагали, что завтра могут пропасть вообще все товары, поэтому скупали остатки. В первые месяцы предприятия старались придерживать продукцию, ожидая изменений в ценообразовании, однако апрельский скачок розничных цен³⁸ (2 апреля в народе прозвали «Павловым днём») ещё более дестабилизировал обстановку, спровоцировав крупные забастовки во многих городах Советского Союза и приведя к необходимости 40-процентной компенсации остатков банковских вкладов и нарицательной стоимости государственных ценных бумаг, размещённых среди населения. Данное повышение цен «имело политическое и психологическое значение: это было первое за несколько последних десятилетий советской истории решение об изменении практически всех цен, что нанесло удар по традиционному советскому менталитету, ориентированному на их стабильность»³⁹.

Однако, несмотря на падение доверия общества к власти, Павлов был уверен, что летом ситуация в экономике несколько стабилизировалась, и заслуга в этом принадлежала его реформе⁴⁰. В действительности продовольственных товаров по-прежнему остро не хватало, положение усугубилось вследствие серьёзного снижения объёмов производства и срыва поставок продовольственных товаров по импорту. Указанная выше денежная компенсация населению «сохранила денежно-товарный дисбаланс»⁴¹. За первые девять месяцев 1991 г. сократилось производство по 29 из 34 товарных позиций по продовольствию, включая масло, сахар, кондитерские изделия и проч. Закупки мясо- и молокопродуктов сократились на 12 и 13% соответственно⁴². Продажа по талонам, купонам и заказам производилась при больших очередях, при этом по некото-

³⁶ Павлов В.С. Указ. соч. С. 239.

³⁷ РГАЭ, ф. 2324, оп. 32, д. 4006, л. 86, 87.

³⁸ Подробнее см.: Постановление Кабинета министров СССР № 105 от 19 марта 1991 г. «О реформе розничных цен и социальной защите населения» (Собрание постановлений СССР. 1991. № 8. Ст. 34).

³⁹ История экономики СССР и России в конце XX века (1985—1999) / Под общ. ред. А.А. Клишаса. М., 2011. С. 69.

⁴⁰ Павлов В.С. Указ. соч. С. 247.

⁴¹ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 2. Экономика СССР и РСФСР в 1988—1991 годах. Новосибирск, 2010. С. 211.

⁴² ГА РФ, ф. 5446, оп. 163, д. 192, л. 92.

рым товарам талоны отоваривались с опозданием в 2—3 месяца. Кроме того, как признал сам Павлов, к августу продовольственная проблема до того обострилась, что пришлось начать переговоры с ЮАР и Южной Кореей о закупках кукурузы и риса⁴³.

Резко сократились рыночные фонды муки, за хлебом выстраивались огромные очереди. Торговля растительным маслом и маргарином повсеместно осуществлялась строго по лимитам. Напряжённая ситуация сложилась с обеспечением продуктами детского питания, в том числе из-за сокращения их закупок за рубежом (к примеру, по концентратам детского питания — на 64%). Столь же неудовлетворительным было и положение с товарами лёгкой промышленности. Несмотря на повышение цен, сохранялся дефицит на многие виды одежды и обуви, а особенно — ажиотажный спрос на импортные товары. Одной из причин являлась необеспеченность предприятий лёгкой промышленности сырьём. В результате за первые девять месяцев 1991 г. падение производства тканей, одежды и обуви составило 16—17%. К этому следует добавить сокращение межреспубликанских поставок этой продукции, которое составило от 30 до 50%⁴⁴.

На предприятиях оборонных отраслей и машиностроительного комплекса отмечалось снижение производства гражданской продукции. Производство телевизоров, холодильников, магнитофонов и прочей сложной бытовой техники сократилось в среднем на 15—20%.

Можно констатировать, что денежная реформа не привела к улучшению ситуации в экономике и, в частности, в сфере денежного обращения. Сумма изъятых из обращения денег, даже если полагаться на самые завышенные оценки, терялась на фоне денежной и кредитной эмиссии и не позволяла ликвидировать денежный «навес». Прилавки магазинов в городах осенью опустели окончательно, розничная торговля стала жёстко нормироваться и проводилась по талонам и карточкам, процветал «чёрный рынок», население проявляло крайнее недовольство⁴⁵. Растущий бюджетный дефицит республик и центра и значительное отвлечение кредитных ресурсов на «латание дыр» в казне не позволили стимулировать производство товаров народного потребления и принять согласованные меры по контролю за ростом доходов населения. В результате дезинтеграционных процессов банковская система оказалась разобщена, банки союзных республик зачастую проводили политику, противоречащую интересам стабильности общей денежной единицы. Как следствие, обострились сепаратистские настроения, довершившие развал экономики СССР.

⁴³ Павлов В.С. Указ. соч. С. 237.

⁴⁴ ГА РФ, ф. 5446, оп. 163, д. 192, л. 94.

⁴⁵ Кудров В.М. Экономика России в мировом контексте. С. 517.